

18+

Владимир Мамута

Портрет

Владимир Мамута

Портрет

«Издательские решения»

Мамута В.

Портрет / В. Мамута — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-517615-8

Пожалуй, это быль. Впрочем, не без некоторой доли фантастики. Вот только... Граница между ними для самого автора не очевидна.

ISBN 978-5-00-517615-8

© Мамута В.
© Издательские решения

Содержание

ПОРТРЕТ	6
1. ПЕРЕДЧУВСТВИЕ	7
СКАЗКА О ТРЁХ БРАТЬЯХ	10
2. ПАМЯТЬ	15
БЫЛЬ О ТОВАРЕ И КУПЧИХЕ	18
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Портрет

Владимир Мамута

© Владимир Мамута, 2020

ISBN 978-5-0051-7615-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ПОРТРЕТ

Ну вот, опять понеслось... Шар за шаром, в одну лузу. Если начну рассказывать, то кто—нибудь непременно скажет, что так не бывает, что выдумано всё с неясным умыслом, от первой и до последней строчки. Ну, может не всё, но уж по *большой* части – точно. Еще кто—нибудь ухмыльнется – мол, простая случайность, мало ли удивительных случайностей. Вон, скажет, на той неделе по улице иду, а по ветру бумажка летит, и прямо мне в руки. Оказалось – пятисотка. Вот уж случайность, так случайность, а это – так.... А самый начитанный примется рассуждать про психофизиологию, про бессознательное, предсознательное, и даже, бери выше, надсознательное. Про какие—нибудь установки когнитивные... Фрейда помянет к ночи, понятно. Или даже Юнга... И прав ведь, прав будет... паршивец! Всё есть – и установки, и бессознательное, и психи – полагаю, что каждый пятый, а скоро, усилиями опасных как ядерная триада практикующих психологов, каждый третий будет, потому как, психам кредиты впаривать существенно проще...

Только «дурнив немає», как говорят ближайшие наши братья по разуму... Подумал я, и решил всё-таки рассказать, потому что, когда человек, и даже учёный с указкой, заявляет, что ему *всё ясно* – отнимите у него указку, да по заднице ею, по заднице! Жулик это, а не учёный!

В общем, братцы, шары летят. С треском. Понять бы, в чьих руках кий...

1. ПРЕДЧУВСТВИЕ

Моя любимая племянница Нина позвала меня на юбилей. Позвала настоятельно и заблаговременно – месяца за три – поскольку, будучи человеком благоразумным, ответственным, самодостаточным и состоявшимся, давно просчитала присущую мне склонность *косить* от путешествий: ехать-то предстояло в другой город...

Состоявшимся людям трудно придумывать подарки. И я, за три месяца пребывания в положении Буриданова осла, непременно получил бы какое-нибудь нервное расстройство, со всеми вытекающими последствиями вплоть до кредита, если бы не одно обстоятельство – будущий подарок, до этого момента не предполагавший о своём окончательном предназначении, давно стоял на мольберте, благоухая ароматами льняного масла и разбавителя №4, дожидаясь очередного свидания с творцом.

Конечно, в слове «творец» я согласен только на строчную букву в начале, потому что никакой я не художник, а так... Балуюсь изредка, стараюсь не афишировать. Может быть даже, в порядке психотерапии, потому что все эти запахи, и упругое сопротивление холста давящей на него кисти, и руки, перепачканные краской, и сам холст в пятне света, бьющего из – за спины, неохотно, сопротивляясь, превращающийся – да ладно, пусть и в корявое – но отражение чего-то важного, что живёт внутри меня, мучает своей неопределённостью и настойчиво требует материализации... Вот всё это связывает меня с юностью, когда я в порядке самостоятельности подсел на живопись, почему-то, именно и непременно, маслом, и отец дал мне денег на этюдник с красками, и на книгу «Советы юному художнику», обнаруженную мною в букинистическом магазине. И я вообразил там себе чего-то, и даже пару раз испытал мистический восторг, проваливаясь в бездну перспективы, вдруг ломавшей унылую плоскость неумело огрунтованной картонки... Конечно, сейчас я не думаю, что мои опыты так уж радовали родителей и братьев. В конце концов, разбавитель №4 *пинен* – это ведь не розовое масло, а, в общем-то, скипидар, и жили мы, впятером, в не Бог весть какой хрущёвской «трёшке»...

Но старший брат, тогда уже студент, брал в руки мой шедевр, поворачивал его к свету и очень серьёзно говорил:

– Ну, а что... Хорошо... Пятнышко такое... Вон туда повесить можно, нормально будет...

Средний брат – старшеклассник, переживавший романтический период, одобрительно трепал меня по плечу, в очередной раз убегая до ночи, мать терпеливо оттирала раковину в ванной, где я мыл свои кисти ядрёным хозяйственным мылом, а я стоял у приоткрытого окна, и смотрел на окутанные вечерним влажным маревом апрельские тополя с набухшими почками.

В нашем городе, после войны, смётшей его до основания, сажали много тополей – просто потому, что они быстро росли. Тополя росли быстро, как город, обративший битый кирпич развалин в новые дома, обросший заводами, школами и парками. Совсем недавно мы с пацанами всё лето прятались в ветвях этих тополей, вымахавших выше нашей пятиэтажки, прятались высоко – так, что можно было заглянуть в окна верхних этажей. А в июне жгли сугробы из лёгкого пуха, вспыхивавшего, как порох. Я не помнил развалин, видел только, как в перелесках за ближней окраиной, после дождя, из земли лезло ржавое военное железо, а иногда и человеческие кости...

Тополя уже пахли, терпко и остро, в ожидании тайного сигнала, после которого тёмное кружево их ветвей растворится в нежной зелёной дымке. И я, вместе с тополями, ждал этого сигнала, и был тревожен и счастлив.

Да, конечно, теперь-то я порчу холсты исключительно в порядке психотерапии. Не зря ведь практикующие психологи непременно ищут корни проблем своих психов в их прошлом,

и хотят с ними поговорить именно о нём – если судить по книгам и кино, особенно американским.

Наверное, я склонен к самолечению.

Так вот... У меня на стене висит удачная фотография старшего брата... Он умер довольно давно, и мне кажется, испытывал облегчение, когда подошёл к черте... Впрочем, об этом потом.

Итак, близился очередной день рождения брата, и я наконец решился написать портрет на основе той самой фотографии. *Решился* потому, что у меня, вообще-то, с портретами не очень, но на этот раз дело как-то пошло, и довольно скоро работа... Да собственно, почему работа? Работа, это когда хочешь – не хочешь, а надо.

Приятный труд был закончен. Кажется, в середине сентября, в субботу, к обеду. И я, отобедав в хорошем настроении, отправился подбирать рамку. День был ясный и тёплый. Побродив по городу и ни на чём не остановившись, я вернулся домой затемно, поужинал, и, не строя никаких планов на воскресенье, ближе к одиннадцати лёг спать. Уснул довольно скоро, хотя у соседней снизу на кухне бубнил телевизор, и говорили оживлённо. Видимо, выпивали. Бывает... Проснулся в начале второго, и мне было холодно, а сердце билось совсем уж не торопясь, как будто до моей дальнейшей судьбы ему не было никакого дела. Сознание было поглощено... ну, пусть... *волнующей памятью* о странном видении. Как бы это пояснить? Вообще-то, для любого волнения, тревоги и далее там по списку, должна быть причина. Ну, например, вы получаете сообщение от близкого человека о каком-нибудь неприятном с ним происшествии... И степень вашего волнения и тревоги соответствует масштабу случившегося. Как при заряде аккумулятора обычной зарядкой – чем больше потерян заряд, тем сильнее ток. Заряд восполняется, и ток падает. А есть зарядные устройства, которые, для быстроты заряда, шарашат ток принудительно – хочешь не хочешь, а получай свои пять, или сколько там, ампер. Вот и здесь, *видение* вроде вовсе незначимое, а ток шарашит, аж трясёт... Собственно, что это было?

У Маши, матери Нины, была подруга, Лариса Костова. Учились вместе в университете, на биофаке. *Была* потому, что ни Маши, ни Ларисы давно нет – такая у них случилась, похожая в своей трагичности, судьба. То есть, нет их *очень* давно, но если Машу, по понятным причинам, я знал достаточно близко, и встречался с нею до последних её дней, и фотографии её сохранились, и кинокадры, и за столом поминаем её с родными все прошедшие годы, то с Ларисой я пересекался, что называется, по случаю, когда, по непонятной милости, старший на семь лет брат приглашал меня, малолетку, в свою компанию. И ни одного, даже мелкого, случайного изображения Ларисы на фотографиях у меня не осталось (я проверил потом). Сто лет назад, после учёбы, Лариса уехала по распределению трудиться в другой город, даже республику, и мне известно было только, что трудится она над совершенствованием полезных свойств грибов вешенок.

И вот, когда той сентябрьской ночью я открыл глаза, и смотрел на красноватую косую полосу света на потолке, тянущуюся от уличного фонаря, и кутался в одеяло, чтобы утолить озноб, моё сознание было поглощено медленно угасающим видением, повторяющимся, как коротенькая, зацикленная видеозапись: в каком – то незнакомом интерьере, в полумраке, ко мне спиной вполборота стоит женщина, и поворачивается, и смотрит на меня внимательно серыми круглыми глазами, и я совершенно определённо понимаю, что это именно Лариса Костова, хотя деталей лица не разглядеть, и вновь она ко мне спиной вполборота, и вновь поворачивается, и вновь...

Чтобы избавиться от наваждения, я заставил себя встать, хотя сил не было даже на это, прошёл на кухню, нацедил из фильтра полстакана тепловатой воды, медленно выпил, подошёл к окну... Соседи снизу давно уgomонились, было тихо. Внизу, под окном, толпились спящие разноцветные машины, отбрасывая длинные густые тени от ночных фонарей и мигая маяч-

ками сигналок, а в доме напротив светились несколько окон. Одно из окон не было занавешено, и я видел чей-то силуэт – похоже, женщина колдовала у плиты. Может быть, у них там завтра праздник, придут гости... В общем, жизнь продолжается. Я почувствовал, что согрелся, и вернулся в постель.

Наутро я проснулся вполне бодрым, и воспоминание о том видении было уже совсем нейтральным, как о случайной встрече на улице с давним знакомым, которого тыщу лет не видел, и, хотя встречи и не искал, а всё же увидеть был рад. Типа: «Ну, как ты?.. Нормально? Трудись ещё? Молодец... Да я тоже ничего... Ну, давай, удачи...»

Впрочем, по ходу дня – что, конечно, вполне объяснимо – неким, параллельным будничной суете потоком, память возвращала меня к давно прошедшим событиям. Вот, мы со Старшим братом приехали навестить его Машу в университетский лагерь за городом, где у неё была практика, кажется, после первого курса. Ехали на электричке, потом долго шли по лесным тропинкам. Лагерь состоял из длинных дощатых строений, разбросанных на просторной опушке. Практика у Маши, наверное, была ботаническая: а какая ещё? Берег реки, широкий плёс, лес, травы пахнут... В девичей комнате, заставленной железными кроватями, идёт натуральный концерт с номерами – мы, в числе зрителей, сидим на чьей-то кровати. В дверь, выходящую из комнаты прямо на улицу, вбегают Маша и Лариса, украшенные свежесобраным гербарием, вскакивают на кровать, стоящую у стены, и, держась за руки, очень серьёзно поют смешную детскую песенку:

– Слон играет на трубе,
А мышата пляшут,
Как платочками они
Хвостиками машут!

Они очень разные и очень похожие: маленькие, как мышата, худенькие и счастливые.

К концу дня я точно знал, что должен написать Машин портрет. Почему Машин? Потому, что Лариса привела её за руку.

А ещё, я прогулялся к овощному киоску и купил к ужину вешенок.

На неделе я купил холст и установил на мольберт, пребывая в уверенности, что дело пойдёт так же легко, как с портретом брата. Только вскоре обнаружилось, что, при формальном обилии, *подходящих* фотографий, которые в отсутствие натуры были необходимы, очень мало. Я распечатал всё что было, увеличив фрагменты нескольких фотографий с общими планами – и все эти фрагменты оказались нечёткими, в неудачных ракурсах.

В общем, дело шло медленно. Я приходил с работы, ужинал, и, валяясь на диване, делал эскизы на обрывках бумаги карандашом или роллером, ругая себя за то, что не удосужился когда —то сделать нормальное фото. Всю жизнь чудится, что впереди – вагон времени, даже сейчас... Я вертел в руке карандаш и думал, что что-то не так в моей жизни – я теряю связь со своим прошлым, как рыбак теряет связь со своей добычей – упруго сопротивляющейся, живой и желанной и, казалось бы, по праву принадлежащей ему, если только торопливо не дернуть удилице. Но рвётся леска, и мечущийся бурун, уже почти не скрывавший отблески света утреннего солнца на рыбьей чешуе, вдруг стихает, и руки ощущают лишь пустоту, и жизнь, только что наполненная смыслом, становится пустой и никчемной.

Мир стал слишком тороплив. Я за ним не поспеваю, но боюсь остановиться, и бегу, как марафонец, в толпе таких же задыхающихся бегунов, каждый из которых видит только чужую мокрую спину впереди, да горячий, пляшущий в такт шагам, асфальт под ногами. И всем безразлично, что там, за обочиной – океанская лагуна, заповедный лес или подножие великой

горы – главное, не отстать, или даже обойти того, впереди, чтобы он видел *мою* спину, залитую потом. И я понимаю, что никто не победит.

Моя бабушка в старости пела песни своей матери, и не слишком нуждалась в новых, и была поэтому частью вечности, и осталась в ней навсегда.

И моя мать пела её песни за праздничным столом. Правда, иногда подпевала радиоконцерту Шульженко, или там, Кристалинской, пока возилась с обедом на кухне. Ведь уже пришло Новое время, чтобы отделить *До* от *После*...

Мои братья и я... У меня был когда-то рукописный песенник, в толстой такой тетрадке в клеточку, на девяносто восемь листов... Там было сто, а может и больше песен, и мы с братьями их помнили наизусть, и пели вместе под гитару, а записывал я только потому, что взял пример со Среднего, у которого была такая же тетрадка, и первая гитара, быстро ставшая общей. У меня было, с кого брать пример... Только в моей тетрадке уже не было песен моей бабушки и моей матери. Новое время – новые песни... Хотя... Пару *их* песен я всё ещё помню. Только пою всё реже. Скачу по каким-то подборкам самой лучшей по чьему-то мнению музыки, и не могу остановиться, потеряв собственный голос. Вместо ощущения вечности – мерзкие *Здесь* и *Сейчас*, которые полагается чем-то заполнить, неважно чем, но, проще всего, барахлом. И эмоциями, которые стали просто товаром. Скала по имени Вечность пошла трещинами и, на моих глазах, обратилась в песок.

Мои-то братья остановились, не приняв этот новый мир, а я всё пытаюсь удержать побольше песчинок, утекающих через пальцы, давно потеряв целое.

И вот, я один теперь перед Богом, и никого нет между Ним и мною, и может быть я, из трёх, один прижился в этой очередной России, вывалившейся, как поросёнок, в *общечеловеческих ценностях*, потому, что я – худший из трёх. Мои ценности приземлённей, к разной дряни я терпимей, и проживаю свои дни, как космонавт – наблюдатель на чужой планете, в ожидании спасательной экспедиции... И у меня слишком много ценных и полезных вещей, от которых я не могу отказаться, как полноправный вкладчик новой пирамиды... из песка. И если меня спросят когда –нибудь о том, какими были мои братья, и каким был я – я не напишу роман, потому что для этого нужно быть мудрецом, или сделать вид, что ты мудрец, а я не мудрец, а наблюдатель. Я и повесть не напишу, потому что для повести нужно придумать красивый финал, а я не хочу придумывать и врать. Так... Разве что сказку, с дешёвой моралью в самом конце...

СКАЗКА О ТРЁХ БРАТЬЯХ

Эй, внучок! Ну, чего ты там ещё не видел в своём смартфоне? Игра с говорящими какашками – ниндзя? Ну хоть бы со Змеем Горынычем, Святогором – Богатырём, или даже говорящими мочалками... Что? Не актуально? Были уже такие, сто лет назад? Так тебе всего-то шесть, откуда знаешь-то? Ни фига себе, точно помнишь... Слушай, давай я тебе, что ли, сказку расскажу. Про трёх братьев—охотников, не слышал? Ещё бы... Дело-то было не каких –нибудь сто лет назад, а в глубокой древности, когда люди, если хотели песню, не наушники в уши запихивали, а собирались и *пели*, и даже на разных музыкальных инструментах сами пальцами играли, и, того мало, просто так пели, для себя, не собираясь, и не в микрофон, чтобы перед соседями хайпануть, а потихоньку, чтобы никому не мешать. Да не, не гоню... серьёзно, было так когда-то... Отдохнуть – не в Турцию на самолёте летели, чтобы всё включено, а в лес на электричке ехали, а потом пешочком, с рюкзачком, и там, у костра... Нет, вовсе не психи! Когда хотели пообщаться, не в чат писали, а шли в гости. Разговаривали, пели песни с интересными словами, танцевали там... Нет, не перед камерой, для трансляции, а друг с другом, для удовольствия. И на окнах занавески задёргивали, чтобы никого не смущать... Книги читали – тоже для удовольствия. Новости из газет узнавали. Что ещё... ну, телек ещё был... Что? Ну,

как тебе объяснить про газету... Такая большая бумага, тебя в неё завернуть можно – а на ней буквы, фотографии... Каждый день новая бумага печаталась... Зачем – зачем, не отвлекай, потом отдельно расскажу. Так будешь слушать? Ну давай, слушай тогда...

Дело было, как я и сказал, в глубокой древности, в Тридевятиом царстве, и было это царство не за тридевять земель, а прямо на этом самом месте, где ты сейчас в какашки играешь. И было это царство самым большим во всём мире, и таким сильным, что победило в самой большой войне, которая только была на земле, потому что люди в этом царстве очень свою землю любили, и друг друга любили, и когда на них напали... нет, не зомби, хотя типа того... то сражались, жизни своей не жалея за други своя... Да нет, не за друганов, а за товарищей, это другое, я отдельно потом расскажу. И про войнушку тоже... Очень много тогда людей погибло... Да нет, жизнь у каждого только одна была, не как сейчас. Война эта была совсем в незапамятные времена, а наши братья – охотники родились уже после неё, просто... в древние времена. Жили они, поживали, росли, учились, потом работать начали... Да нет, не зарабатывать, а работать, это другое, я отдельно потом расскажу...

Старший брат-охотник большой завод строил, чтобы потом на нём детали для компов делать... Ну да, тогда уже компы делали, только всё больше в других царствах, а старший брат хотел, чтобы в его царстве не хуже было. Средний брат-охотник главным лётчиком был во всём своём городе, и с другими лётчиками на самолётах людей возил, и очень своих друзей – лётчиков любил, и никого не обижал, потому что считал, что нельзя друзей – товарищей ни обижать, ни обманывать... Не, не в Турцию возил, а всё больше по всему своему тридевятиому царству, потому что тогда люди очень любили по небу летать, даже если и можно за три часа на машине доехать, или на поезде. Нет, не на Боингах – в том царстве самолёты свои были, и не хуже, а даже лучше Боингов... иногда. Ну, а младший брат—охотник, так – ничего особенного – на бумажках дома рисовал, чтобы потом строители на эти бумажки смотрели и знали, как им дом строить. Не Бог вещь что, но тоже работа полезная. А надо сказать, что в те незапамятные, а потом и в древние времена, и заводы, и самолёты и дома были общими, хорошо ли это, или же кому-то покажется, что плохо... Братья-то уверены были, что хорошо. И жили они, в общем-то, по правилам тридевятым, похожим на Заповеди Божии, хоть о том не знали и не думали. Что? Про Заповеди, и чьи они, я тебе потом, отдельно, расскажу...

Вот, ты правильно спрашиваешь, почему это старший брат завод строил, чтобы компы делать, средний со своими лётчиками по небу людей возил, младший на бумажках рисовал – а они все братья-охотники? Это потому, что они придумали себе общее дело, чтобы почаще вместе собираться. Людям вообще интереснее живётся, если у них есть какое-нибудь общее дело. В одиночку только фигнёй какой-нибудь заниматься способнее, да хоть говорящими какашками в смартфоне управлять.

По правде сказать, придумали стать охотниками старшие братья, так как были они людьми опытными и умными, а младший брат к ним только потом присоединился, потому что хоть и домики на бумажках рисовал, а не совсем уж дурак был, да и братьев своих любил. Вот... И ездили они вместе на охоту, и ценного зверя, и редкую птицу добывали, а главное, делали это вместе, и небом синим любовались, и лесами дремучими, и полями просторными, и звёздами ночными, и солнышком ясным, и реками широкими, и озёрами глубокими. И помогали друг другу, и ничего за это не просили, а главное, много о чём хорошем разговаривали они у жаркого костра, когда ночная птица выпь плакала о чём-то на дальних болотах... И были они счастливы, потому как и работа, и охота у них ладилась, и Турция не была нужна им, и другая чужая земля.

Да только набежала однажды чёрная туча на ясное солнышко. Правил в ту пору Тридевятым царством государь Михаил, сын Сергеев, хотя кое-кто и считал, что не только Сергеев... да и не столько. В общем непонятно, чей сын. И было вокруг того Михаила челяди ни счесть, и каждый из той челяди, как заметит, что народ простой на него по телевизору смотрит – так

одежу на себе рвёт, низко кланяется на четыре стороны, и клятвы даёт страшные, что мол, так люблю я народ сей и его тридевятые правила, что каждый раз плачу от счастья и умиления, и не знаю, что бы ещё такое сделать, чтобы процветало Тридевятое царство чистым яблоневым цветом. И у каждого из той челяди, на самом видном месте – под кафтаном, у сердца – грамотка заветная лежала, с именем, отчеством, фоткой и фиолетовой печатью, для подтверждения, что царедворец сей иначе жить не может, как только в неустанном рвении и заботе о царствии Тридевятом, потому что иначе жить он, с малолетства голожопого, не обучен, ну и приписано было, под красною звёздочкой, мелким шрифтом, что ежели нарушит слово он своё, то настигнет его суровая государева кара. Да только грамотки-то их, видать, подмётными оказались, и мать у них... общею была – с Михаилом-государем, и более всего на свете хотели они не царству Тридевятому служить, и вообще не работать, а *зарабатывать*. Наверное, они злыми магами были, потому что дальше всё, как по волшебству случилось. Михаил, который чей-то сын, через голову трижды перевернулся, о землю ударился, в общечеловека обратился, шерстью собачей оброс, бросил всё, до чего достать мог, на погибель, да и ускакал куда подальше. А у народа государева в тот же час глаза застило – у кого завистью, у кого обидою, у кого соблазном – да не счесть причин, потому как народ брошенный и обманутый уже и не народ, а так... водки попить, да подраться. И не видел тогда народ ни прошлого своего, ни будущего, а только то, что *здесь и сейчас*. Говорят, есть такой заговор у магов чёрных – на отвод глаз.

Что? Откуда челядь эта зловредная взялась? Ну ты ведь, как я понял, знаешь уже, что если говорящих какашек вовремя не смывать, то они всплывают наверх и плохо пахнут? Так же? Во-от...

В общем, проснулись однажды поутру братья – охотники, а царства-то Тридевятого и нет, а есть какое-то Дванадцатое, да под корнем кубическим, и то не наверняка, а в минус первой степени, или около того. А по телевизору прежняя челядь, как-то враз на личность раздавленная, ласково разъясняет, что теперь мол заживёт бывший тридевятый народец по—людски, потому как существенно ему полегчает, как продукту незавершившейся эволюции животного мира. Раньше ведь что было? Украл там, чего очень хотелось, или продал... Да фигню какую-нибудь – ну хоть Родину, будь она неладна, прибежище негодяев... Так в тюрьму же сразу. Измучился простой народ от такого гнёта державного! Теперь же, говорят, совсем другое дело, при новом-то порядке – потому что в основании дванадцатом не правила какие-то архаично тридевятые, а *право* европейское юридическое, так что, при тонком подходе, не то что чего-нибудь... ну... лжесвидетельствовать там, а и украсть можно, и, при экономически обоснованной необходимости, убить даже, потому как – *vive la liberté!* Только сначала, всё-таки, экспертами рекомендуется именно украсть, а то право юридическое будет ненадлежащим образом обеспечено.

На другое утро просыпается старший брат – охотник, а на его компьютерном заводе, в самом главном цеху, прямо на его же глазах всё, что он там понастроил и к электричеству даже уже подключил, в бочки с селёдкой обратилось. Просыпается средний брат – а его самолётам лететь некуда, да и самолёты, то один, то другой, под землю без следа проваливаются, только запах керосиновый от них остаётся, да и тот по ветру быстро развеивается. Правда, у младшего брата в то нехорошее утро ничего не изменилось – бумажки его при нём остались. Только не нужны они стали никому, потому как строители работать перестали, пилы свои да лопаты побросали, и, всем скопом, в Турцию отправились, чтобы, по совету опытных людей из телевизора, кафтаны заморские подешевле купить, да в отечестве своём подороже продать, а потом снова купить, и опять продать, и так, пока не *заработают* злата—серебра на карету с пробегом, из колыбели благословенной *liberté* – Европы.

И ведь мог же тогда старший-то брат, селёдку ту, *себе* прибрать... только постыдился. Да и воняла она сильно. И средний брат мог бы самолёт-другой *себе* прихватить... да постеснялся.

Ну, а младшему и делать ничего не надо было – бумажки-то с ним оставались. Правда, к делу он их приспособить не смог – от бескормицы.

А челядь-то бывшая, ликом масляным хотя и в телевизор уже не умещается, да всё твердит: забирай народ, что где плохо лежит, да дели поровну, ибо пришёл воровской час – а сама грамотки-то свои подмётные всё подпаливает, папироски заморские от них прикуривает, и хитро так подмигивает. Народ смотрит – а лежит-то уже *всё* очень даже хорошо, да под таким приглядом, что и не подойдёшь, чтобы забрать и поделить. И делать народу совсем нечего, разве в Турцию за кафтанами ехать. Да только кому те кафтаны продавать, коли все в Турции? И начал тогда народ помирать смертью стыдною от такой несправедливости, да не потихонечку, а по миллиону душ каждый год, а когда и по два.

И собрались тогда братья-охотники, да и пошли на край земли – ну, ты знаешь, земля в древние времена плоская была... Идут они по земле три... не, теперь уже, двенадцатой, да... и глазам своим не верят: люди-то и вправду по-королевски живут – спирт «Royal» кушают, «Royal capin» из красивых баночек заедают, да под заборчиком заводским отдыхают. Из труб же заводских дым проклятый, не экологичный, не валит, ценное углеводородное сырьё зря не расходуется... Из ворот грузовики, с ценным же металлом, катят – сырьём для поднятия китайской металлургии. Ну, а другие, тоже вроде люди, только в красивых малиновых кафтанах, друг в дружку постреливают, и свободе радуются... А рядом благородные юристы в галстуках – бабочках и с красивым пробором, каждый «ба-бах» учитывают, и, надлежащим образом, чин по чину, взаимовыгодно обосновывают, чтобы экономика, уже постиндустриальная, скорейшим образом развивалась.

Идут братья-охотники, идут, да по сторонам глядят: и здесь вроде бы можно прихватить, в малиновый кафтан приодеться, да назад повернуть, в личное светлое будущее... только стыдно и противно. И там бы отобрать... да всё совестно – ведь у такого же тридевядца отберёшь, с которым вместе общие заводы строили, да в общем небе летали. И рядом другие люди к краю земли идут – сразу видно, техническая интеллигенция, есть о чём с ними поговорить – и про компьютеры, и про самолёты. А что? «Royal» – он для всех «Royal».

Долго шли, но вот пришли они к краю земли и остановились. Дальше-то идти некуда, впереди только тьма внешняя... И тогда сделал ещё один шаг старший брат, обернулся, посмотрел печально на среднего и младшего, усмехнулся, да и... то ли края не заметил, то ли сам шагнул – не узнать теперь... И сделал свой последний шаг средний брат, успел только сказать горькие слова, да рукой махнул на прощание...

Ну, внучок, слышишь, мать зовёт? Давай ужинать, да спать, а то по шее получим. Что с младшим братом – охотником случилось? Да он и сейчас, говорят, жив-здоров... Когда пришёл его черёд, подошёл он тогда тоже к самому краю, глянул вниз, во тьму внешнюю, чёрную, чернее самой чёрной ночи, и покачнулся даже... Да что-то его остановило. Может, высоты испугался – он же не лётчик был. Может быть, про бумажки свои вспомнил – они ведь при нём остались, не то что завод старшего брата, или самолёты младшего. Когда есть, что терять – оно всегда труднее. А может, не так сильно, как братья, держался он правил тридевятых, просто потому, что младшим был, и не так больно ему поэтому было... Правила-то, людьми писанные, людьми же всегда нарушены будут, потому что смысл жизни – в движении. Это ещё до незапамятных времён известно было. Извини внучок, про смысл жизни я зря завернул, понесло деда... Но и без правил люди долго жить не могут – перестреляют друг дружку, или по-другому как-нибудь себя изведут. Откуда правила берутся? Про это я тебе потом, отдельно, когда-нибудь расскажу...

Так вот, добрался младший брат-охотник до дому, и не легко ему в пути было... Смотрит – а там людишки в малиновых кафтанах друг дружку уже перестреляли... Ну, может не окончательно, но и так терпимо... Благородные юристы решили, что пора им, на честно-заработанное золото-серебро, терема строить, а тут и строители из Турции вернулись, пилы-

лопаты в руки взяли. Да и народец тридевятый не так прост оказался – от морока да сглаза очистился... Ну, может, не совсем пока... Но некоторые даже *работать* принялись. И даже челядь толстоликую из телевизора выперли, чтобы сильно глаза не мозолила... Ну, может, и не до конца ещё...

В общем, стал младший брат снова свои дома рисовать, и жизнь у него потихоньку наладилась, да и царство какое-никакое образовалось вновь. Конечно, не Тридевятое, а только Двунадесятое, но хоть без кубического корня... Правда, перестал младший брат быть охотником, потому как, что за охота без костра, звёзд... и братьев?

Ну что, внучок, поедem завтра на велике кататься?

2. ПАМЯТЬ

Полоска вечерней зари медленно остывала за холмом, укрывавшим с запада просторную заболоченную пойму узкой речки, из последних сил пробивавшейся к ещё далёкому Дону через плотные заросли камыша. Из слегка колышущегося от вечернего ветерка, кажущегося, с этого заросшего кустарником низкого берега, бесконечным камышиного поля, кое-где торчали тёмные кроны ив, обозначая редкие островки, на которых мог бы отдохнуть охотник, бродящий в зарослях болотной травы в поисках дичи. Пахло – влажно и терпко...

Я добывал из недр исправно, хотя и не торопливо, дотащившего нас сюда ЛУАЗика банки с тушёнкой, чтобы было из чего приготовить ужин, а Старший пытался разжечь костёр из кривых влажных сучьев, которых успел натаскать целую гору, и которые только и возможно было раздобыть на этом, слава Богу, остававшемся пустынным берегу. Раздолбанный, но честно притворившийся внедорожником ЛУАЗ-969, недавно раздобыл и собственноручно привёл в относительный порядок Средний, который, несмотря на уже навалившуюся темень, совсем наврное уже непроглядную там, в камышах, всё ещё бродил где-то, отмечая своё присутствие редкими глухими хлопками выстрелов. От будущего костра уже тянуло ольховым дымком, говорят, идеальным для копчения разных вкусовностей.

– Может, примус разожжём? – спросил я.

– Конечно... Надо было с собою дрова везти, – старший отвечал отрывисто, между хлёсткими ударами туристского топорика, превращавшими кривые сучья в аккуратные поленца, – на этом мусоре до утра не вскипит... я так, для уюта... был бы дождик, а так... скучно без костра... сейчас подброшу... побольше... чтобы сохли... и раскоचेгарю...

Портативный примус «Турист» был капризен, и слушался только Старшего.

Млечный путь уже всюду пылал над нашими головами, и в кастрюле на *раскоचेгарившемся* и гудящем, словно реактивный двигатель, примусе уже закипало нехитрое гречнево – овощное варево, когда мы услышали шорох шагов в скупой поблескивающей от небесного света, влажной от вечерней росы, траве, обернулись, и увидели медленно приближающийся силуэт Среднего, похожий на тёмный провал среди сияющей звёздной пыли, каким изображали чёрную дыру в популярном журнале «Знание – Сила».

– Ну, как?

– Пять кряковых, лысуха и чирок... У вас-то что? – на землю шлёпнулась увесистая связка дичи на «удавках», отстёгнутая от ремня.

– Кряква...

– Две лысухи, на воде взял.

– Ушли рано, *лёт* после захода начался... Не достал трёх, темно уже было. Утром надо будет посмотреть, я место запомнил...

Средний возился у палатки, сбрасывая амуницию и пристраивая в открытую засветло яму, где уже лежала наша со Старшим скромная добыча, свои трофеи. Мы, тем временем, завершали сервировку стола, представленного расстеленной на земле потёртой клеёнкой, на которой, в эмалированных и алюминиевых мисках, уже были разложены старательно нарезанные салты, бело – розовая, как глаза альбиноса, эстонская колбаса, серый хлеб неизвестной породы, купленный проездом в каком-то *сельпо*, помидоры и лук в обеих его, подземной и надземной, ипостасях. В мерцающем свете кое-как разгоревшегося костра, стол выглядел вполне привлекательным, тем более, что в числе всей этой снеди, лёжа на боку, уже дожидалась своей участи бутылка «Столичной», и как подвыпившие солдаты, стояли неровным рядком стеклянные стопки, отбрасывая на клеёнку прозрачные, подвижные тени.

– На руки сольёте?

Я взял пластиковую канистру с водой и пошёл *сливать*, а старший тем временем вскрыл широким охотничьим ножом банку с тушёнкой, вывалил её содержимое в кастрюлю и, ножом же, перемешал бурлящую массу.

– Через десять минут готово будет. Где вы там? Жрать охота... О! Тут Машка ещё сырники завернула...

Средний уже вытирал руки застиранным вафельным полотенцем, когда до нас добрался неповторимый аромат похлёбки, заправленной тушёнкой.

Охотничьи застолья традиционно начинал Средний, почитавшийся в области охоты за профессионала и известного энтузиаста. Началась эта история, когда ему было лет четырнадцать. У нашего отца были ружьё, но к охоте он относился как к забаве и, скорее, поводу собраться с товарищами. Отец был лётчик, и вот отправился он однажды охотиться с товарищами – лётчиками, да и взял с собою меня и Среднего. Старшему тогда уже было, наверное, интересней встречаться с Машей, ну а нам поездка пришлась в самый раз. Всё было прекрасно – будучи аристократами, лагерь лётчики разбили в живописной долине, подальше от болота и комаров, на песчаном берегу реки с чистой водой, в которой резвились плотва и красноперки. Был тёплый августовский солнечный денёк, с не ранней уже утренней зорькой, да только охота с утра не задалась. Все охотники – человек семь – вернулись с зари *пустыми*, и, нимало не расстроившись этим обстоятельством, завтракали, весело выпивая и рассказывая разные интересные истории.

Лучший друг отца, штурман, с которым он летал на войне, дядя Вася, как раз рассказывал, почему остался без добычи. Усевшись по-турецки (сейчас бы сказали, «в позе лотоса») на расстеленном одеяле, и держа спину прямо, он, посмеиваясь, сопровождал свой рассказ жестами, как будто бы в руках его было ружьё.

– Стою я, значить, – слово «значит» он говорил именно так, мягко, – как полагается, на позиции. В камышах. В левом стволе четвёрка, в правом троечка, на высокую, значить... Курки, как полагается, на взводе... Солнце не взошло ещё, сумерки... Слышу, над водою крылья свистят, в мою, значить, сторону. Я поворачиваюсь... прикладываюсь... из-го-тавливаю-юсь... Вот, вылететь уже должна. Должна – а, хрен бы её – нету! Куда делась – неизвестно!

– Так и не выстрелил ни разу, что ли? – реагирует кто-то оживлённо, будто от всей души переживает за дяди Васину неудачу.

– Так ни разу и не выстрелил, – почти даже удовлетворённо отвечает дядя Вася, – чёрт их знает, как они здесь летают – свист один!

– Ну, может на вечерней, как положено летать будут! Что не наливает никто? Солнце поднимается – горячую пить придётся...

В этих весёлых суতোлке и гоготе, Средний подошёл к отцу и попросил разрешения сходить пострелять. Отец давал нам раньше пострелять по мишеням, двустволку же, как фронтвик, за настоящее оружие не почитал, и поэтому, наверное, сказав несколько строгих слов в наставление, указал пальцем на ружьё и патронташ. Средний взял двустволку – изящный ИЖ-54, и мы отправились к деревянному мосту через речку, где, у прибрежного куста, была выбрана позиция. Вскоре, как это и бывает днём, метрах в сорока над головою, не меньше, засвистела крыльями стайка крякв, и Средний, ловко вскинув ружьё, снял крайнюю, которая тяжело плюхнулась на траву в прямой видимости от нас. Я исполнил роль спаниеля, притащив добычу. За пару часов ситуация повторилась ещё трижды, с одинаковым результатом.

Похоже, компания видела происходившее, поскольку, когда мы подходили к лагерю, все дружно встали, а отец вышел вперёд, поздравил брата *с полем* и сказал, что дарит ему свой ИЖ. Только с оформлением, согласно правилам, придётся пару лет подождать. Так и начался охотничий стаж Среднего – в шестнадцать лет, а ранняя слава сделала его энтузиастом, так что наше со Старшим будущее было предрешено, по крайней мере, в части хобби. Старший сдался первым, довольно давно, я же обзавёлся оружием, латунными гильзами, аптечными весами для

взвешивания пороха, разными закрутками и прочими причиндалами, относительно незадолго до описываемых событий...

Итак, мы, словно охотники на картине Перова, устроились вокруг клеёнки с ужином. Старший с хрустом отвинтил колпачок бутылки и наполнил стопки. Возникла короткая пауза.

Надо заметить, братья мои не были многословны в речах, и сказанное ими походило на заметки на полях книги, которую каждый из нас пишет от рождения, не *зная*, удастся ли её перечесть когда-нибудь. Разве что, *веря*... Поэтому я никогда не знал *вполне*, как у братьев дела, и что там у них происходит дома или же на работе – скорее чувствовал, потому что когда люди близки, слова теряют значение, и их заменяет множество тонких связей, которым, по большей части, и имя-то не придумано. А если и погружался неожиданно в конкретику, оказавшись случайным свидетелем разговора с каким –нибудь сослуживцем, или из весёлого трёпа невесток с матушкой на каком-нибудь семейном торжестве, которые случались часто и без особого повода, понимал – да не важно это всё, так, суета...

Наконец, Средний поднял стопку и начал, основательно и неторопливо, будто желая отсрочить предстоящее удовольствие.

– Ну, кое-кто из домашних... иногда справедливо! – он усмехнулся, – требует соблюдения режима, но... Посмотрите вокруг – замечательные уголья, отличный вечер... И у каждого – заметьте – добыча! Что там у нас? Кряковая, лысухи, ещё кое-что...

– В количестве семи, – отметил я.

– Да. Удачу нужно праздновать. С полем!

– С полем!

– С полем!

Коротко стукнули стопки, и тёплая волна покатила к пустому пока желудку.

– Вот, не столько опьянение интересно, сколько процесс, момент этот – удовлетворённо прокомментировал Старший, поддевая кончиком ножа дольку сала и пристраивая её на ломтик хлеба.

Мы и не возражали, управляясь с закуской.

– Давайте-ка горячего, и под горячее...

Горячее пришлось как нельзя кстати, как впрочем, и следующая стопка. На горизонте, над болотом, из смутного зарева, разгоравшегося в обрывках облаков, вылупился краешек обещающей быть полной луны, слегка притушив сияние ближних звёзд. Хотя воздух был неподвижен, становилось прохладно – всё-таки, начало сентября... Я добрался до палатки и нащупал в изголовье своего спальника куртку – классную, хотя и слегка потёртую, синюю лётную куртку с неубиваемыми стальными молниями. Куртка раньше принадлежала Среднему, и даже его авиаотряду, но была списана в прошлом году, в виду достижения ею выслуги лет.

Вернувшись к костру, я улёгся на спину и долго смотрел в небо. Там едва заметный огонёк спутника, словно пьяный пешеход, под косым углом пересекал сияющий автобан млечного пути, то исчезая на фоне какой-нибудь яркой звезды, то вновь возникая... Путь спутника явно не был близок, и я перевернулся на живот. Костёр притух, таинственно мерцая мелкими угольками, тонущими в пепле, только на краю обширного кострища живое, жёлто – синее пламя обнимало свежее поленце, посылая к небу редкие искры. Средний расположился у огня и поджаривал на углях насаженные на аккуратно заострённый прутик кусочки эстонской колбасы, капли жира с которых обильно стекали на угли, взрываясь с праздничным треском, как миниатюрный фейерверк. Старший сидел на свёрнутой вдвое брезентовой ветровке, метрах в двух от меня, вполоборота, опершись на левую руку, и задумчиво глядя куда-то вдаль. В его чёрных глазах плясали отблески огня, и нельзя было понять, смотрит ли он на поднимающуюся луну, или, может быть, гораздо дальше – внутрь себя... Мне почему-то пришло в голову обсудить планы на скорую уже заячью охоту, я окликнул его, и, не дождавсь реакции, бросил алюми-

ниевую закрутку от водочной бутылки, случайно попав в щёку. Старший медленно повернул голову, посмотрел мне в глаза и серьёзно произнёс:

– Зачем? Мне же больно...

Я испуганно затих, поняв, что прикосновение этого кусочка алюминия не могло вызвать боль, о которой стоило бы говорить.

Конечно, я не узнал, о какой боли шла тогда речь, потому что не привык к расспросам, и потому, что Старший, словно очнувшись, улыбнулся и поддержал разговор о будущих зайцах. Средний в это время закончил свои манипуляции с прутиком, и, вернувшись к столу, представил нам новую закуску. Он вообще был оживлён в тот вечер, поскольку только что закончил переучивание с трескучего АН-24 на благородный ТУ-134 и шутил, что теперь, возможно, не оглохнет окончательно. У него действительно была лёгкая профессиональная глухота из-за бешеных АНовских децибел, исходивших от винтов, крутящихся у самой кабины.

Мы ещё немного выпили, я вновь лёг на спину, смотрел в небо и дожидался падающей звезды, чтобы загадать какое-нибудь желание. Падающих звёзд оказалось много, а желаний было мало, потому что всё и так было хорошо. Здесь, под этим бездонным небом, мы ничего не задумывали, не делили и не замыслили.

Братья говорили о чём-то у вновь разгоревшегося костра, и ночная птица выпь плакала на дальних болотах, а я растворился потихоньку в небе и очнулся от того, что Средний трепал меня за плечо.

– Э-эй, старшинка, – Средний, будучи подшофе, иногда называл меня так, потому, что на срочной я дослужился до старшего сержанта, и из-за каких-то своих ассоциаций, относящихся к его времени в лётном училище, – заснул, что ли? Иди в палатку спи, а то проспишь зарю... Завтра отстоим, быстренько соберёмся, и по берегу часок поездим... может, что на воде будет... Домой пораньше надо, мне утром в Симферополь...

Да, я легко мог проспать зарю, до той поры, когда палатка не раскалится от утреннего солнца... Братья-то, конечно, зарю отстоят в любом случае.

Перебравшись в палатку, я спокойно заснул. Если бы я знал, если бы... *мы* знали, что *новое время* уже в пути. Впрочем, может быть, это только я не догадывался. Да и знали бы, то что? Делай, что можешь...

Я думал об этом много... когда уже *прервалось* время потерь.

Наступившее на их горло новое время не было временем моих братьев. Потому что, *не мог* Старший солить селёдку в главном цеху новенького завода, о машинах которого, купленных за валюту, напоминали только толстенные, торопливо спиленные ржавые пеньки анкерных болтов, торчащие из пола... Не мог Средний считать прибыль от перевозки пьяных «менеджеров» на курорты Турции умыкнутыми «Тушками» собственной авиакомпании, одной из тысячи вдруг наплодившихся.

Зато и не предали они никого. И ничего...

А новому времени – новые люди.

БЫЛЬ О ТОВАРЕ И КУПЧИХЕ

Моя матушка была мудрою женщиной, и даже в пору далёкого малолетства с уважением относилась к нашему с братьями праву на свободу и доверие, конечно, до известного предела, когда заслуженный подзатыльник остаётся единственным разумным способом завершить дискуссию о допустимом и невозможном. Конечно, есть какая-то вероятность, что связано это было с полученным когда-то педагогическим образованием в традициях Макаренки, но полагаю всё же, что всё дело в приверженности народной традиции, не раз транслировавшейся ею во фразе «воспитывать можно, пока дитя поперёк лавки лежит, а уж как легло вдоль...». Мне, кстати, тоже кажется, что homo, даже если он вполне sapiens, а не только erectus, не склонен

учиться на чужих ошибках, и пусть уж он *косячит*, получая справедливые, и не только родительские, подзатыльники, пока низкая масса тела и социальный статус не предполагают существенного урона окружающим и ему самому. Тем более, что даже конфликты между державами, по ближайшему рассмотрению, до обидного схожи с конфликтами малолеток.

Вот, скажем, когда мне было лет... тринадцать, случилась у меня история с одноклассником Лёхой. Как видели мы с ним друг друга – так сцеплялись, будто зверьки какие, да так, что шерсть клоками... и не поймёшь, кто начал. В классе, в столовке, школьном коридоре... Наверное, ауры не сочетались, ну а что ещё? Тянулась эта канитель довольно долго и, с точки зрения выявления победителя, безрезультатно. И дошло до того, что Лёха, изнурённый неопределённостью такого положения, презрел рыцарский кодекс и вовлёк в конфликт наёмника: дважды второгодника, переростка и раздолбая из параллельного класса по кличке Алдабай. Конечно, Лёха мог бы открыть томик Макиавелли и узнать, что для того, кто призывает на помощь чужие войска, они почти всегда опасны, ибо поражение их грозит государю гибелью, а победа – зависимостью. Но он предпочёл получить собственный опыт.

И вот, на переменке, подходит ко мне этот самый, звероватый на вид Алдабай, заслоняя своею башкой лампочку на потолке, за спиною его жмутся ранее впавшие в зависимость государя, ну а к правой руке – Лёха. Про Алдабая всем было известно, что он не говорил много слов, чтобы не растерять их скудный запас, так что, ожидаемо молча, этот паршивец стукнул меня под дых, заставив согнуться, и, не торопясь, удалился в сопровождении восторженной свиты.

Конечно, я был огорчён, возможно настолько, что моё огорчение вечером заметил Средний. Или просто узнал о случившемся от знакомых, так как учился в той же школе, в девятом классе. Во всяком случае, он выпытал у меня что да как, и на следующий день, с товарищем, дождался, когда мой класс закончит уроки, чтобы... Нет, он не собирался мстить за брата. Просто, уравновесив в моём присутствии удар Алдабая, и вернув, таким образом, *status quo ante bellum*, он сообщил Лёхе, что если тот хочет победить, он должен делать это в честном бою, один на один, а не чужими руками, в любое удобное для него время. Лёхе оказалось *удобно* на следующее же утро, перед первым уроком. Он вбежал в класс и набросился на меня, не дав времени встать из-за парты. Это были *Sturm und Drang*, но, как всегда бывало на Руси со *Sturm*, без учёта того обстоятельства, что не в силе Бог, а в правде. В итоге победитель в нашей дуэли впервые, в присутствии тридцати свидетелей и, как потом оказалось, окончательно, был выявлен. Победённый Лёха, неся на лице явные признаки своего поражения, ретировался, не дожидаясь начала занятий, а я стирал промокашкой кровь из чужого носа с рук своих.

Конечно, рассказал я всё это не для того, чтобы заявить о себе, как о первоклассном бойце, что было бы откровенной ложью. Хотя бы потому, что пару лет спустя я покинул боксёрскую секцию всего через несколько месяцев занятий, когда стало ясно, что ловить обидные удары носом здесь обычное дело. Самое важное в этой истории случилось, когда я вернулся из школы и проводил положенное время в совмещённом толчке нашей хрущёвки, пока матушка накрывала на стол. Надо заметить, что в хрущёвках дверь в толчок выходит в маленькую прихожую, так что я оказался полноценным свидетелем происшедшего, хотя и не видел лиц участников.

Итак, прозвенел звонок, мать отправилась открывать дверь, а я затих, дабы избежать по возможности какой-нибудь неудобной ситуации. И, как оказалось, не зря. Как только дверь открылась, стало очевидным, что явилась мамаша Лёхи с ним самим в качестве вещественного доказательства моего ужасного преступления. Выяснив, что попала по адресу, она продвинулась в прихожую, и больше всего я боялся, что окажусь обнаруженным и выковырнутым из моего убежища.

– Посмотрите, что сделал ваш хулиган с моим ребёнком! – голос был тонким, резким и каким-то скрипучим, как визг трамвайных колёс на крутом изгибе пути, – посмотрите – Алексей, иди сюда, нечего тебе прятаться, пусть видит... открой рот – посмотрите на его губу! Пришлось в поликлинику идти, шов ребёнку накладывать! Это возмутительно! Мы сейчас в милицию пойдём! Вашего хулигана выгонят из школы!

Было очевидным, что Лёха пережил допрос, и по большей части отмолчался, положившись на фантазию матери в части определения виновных. Мать же, конечно, как и сын, не читавшая Макиавелли, явно не догадывалась о том, что даже римский император Александр возбудил презрение, слывя чересчур изнеженным и послушным матери.

Возможно потому, что я был младшим из трёх её сыновей, моя матушка явно сохранила самообладание, и отвечала с полным спокойствием всякое повывавшей учительницы начальных классов, выступающей на родительском собрании, как-то сразу понизив накал страстей.

– Женщина, успокойтесь. Как вас звать? Галина? Успокойтесь, Галина. Как только мой сын вернётся, – она не стала меня выковыривать! – я всё выясню, и если он виноват, то будет наказан. Тебя Алексеем зовут? Алексей, он что, напал на тебя? Ни с того, ни с сего? Почему ты молчишь, ведь рано или поздно всё равно правда откроется...

– Вы не с ним, вы со мной разговаривайте! – продолжила кричать гостя, хотя уже и заметно тише. Наверное, в этот момент она была похожа на наседку, защищающую собственным телом цыплёнка от злого ястреба, – у Алёшеньки губка зашита!

Я представил себе, как радуется Лёха, что меня нет, и что я не слышу эти «Алёшенька» и «губка».

– Алёша, вы ведь, наверное, в школе подрались? Вы ведь не одни были, и кто-то видел из-за чего всё случилось и как всё было?

– Мам, не надо, пойдём отсюда, – услышал я тихий Лёхин голос.

– Пройдёмте в дом, давайте всё обсудим и выясним без нервов, вы ведь для этого пришли? Мальчишки иногда дерутся, но это же дети... Давайте выпьем чаю и успокоимся... Я думаю, пострадал не только ваш, но и мой сын. Нужно выяснить, как всё произошло...

Гости продолжали топтаться в коридоре.

– Мам, ну не позорься, ну пойдём, – ныл Лёшка, уже чуть не плача.

– Ты что, не всё мне рассказал? – начала прозревать гостя, на этот раз шипя в полголоса – куда ты меня тянешь?

– Пойдём отсюда...

Было очевидно, что в прихожей царило замешательство.

– Хорошо! Мы уйдём! Но если выяснится...

– Мам... Ой... что ты дерёшься...

Щелкнул язычком накладной дверной замок.

– Ну, где ты там? Выбирайся и рассказывай, ты ведь понимаешь, что теперь мне лучше всё узнать?

Всё не всё, но в общих чертах...

Мать внешне спокойно выслушала меня, попутно внимательно осмотрев лицо и руки, и даже заставив снять рубашку. Только, когда она помогала мне её снять, я заметил, что у неё дрожат руки.

– У тебя что, из носа кровь шла?

– Это не моя...

– Ладно, я тебе верю, – она обняла меня. Она была маленького роста, вровень со мною, кареглазая и хорошо сложенная для женщины, старший сын которой уже был студентом, – но, всё-таки, лучше договариваться, а не драться.

– Договорись... с этим.

– Я всё понимаю...

Она и вправду всё понимала, ведь я был – младшим...

Лёха не ходил в школу с неделю, а когда пришёл, вёл себя тихо, и старался не встречаться со мною глазами. А я не стал поминать ему «Алёшеньку» и «губку». Всё-таки время римских императоров давно прошло.

Такая вот у нас была мама.

Но и это только... прелюдия. Я ведь хотел рассказать о новых людях, уже ковавших новое время.

Итак, матушка с уважением относилась к нашему с братьями праву на свободу и доверие, и отец вполне её поддерживал – ну, или она его. Тут, как у мандалы инь —янь, нет исходной точки. Она в их времени, а не в них самих. Поэтому, наша судьба была результатом нашего же выбора и ответственности. Старший закончил школу с серебряной медалью и поступил в политех, средний с боем прорвался в лётное училище, по ходу медкомиссии удалив воспалённые гланды, а я, не выбрав цели, отправился служить срочную. А там... Вернулся, не спеша поступил в институт, закончил... У старшего и среднего уже были семьи и дети, ну а я успел прикипеть к вольной жизни, что маму, конечно, беспокоило. Наверное, и отца, но он в выражении чувств казался мне похожим на льва, отдыхающего на камне, и высказывал мнение, которое одновременно было и действием, только когда система приходила к точке бифуркации. Но это – отдельная история.

Нет, конечно матушка не стеснялась высказаться применительно к конкретной ситуации. Скажем, по ходу застолья вздохнёт и скажет, сердито глядя на нас:

– И вот что вы её, проклятую, пьёте *до очертнения*, можно же выпить – ну рюмочку, ну другую, ну... третью...

Или, когда уже разойдутся по домам старшие дети и внуки, посмотрит, уже печально, на меня:

– Эх, двадцать лет – ума нет и не будет, тридцать лет – жены нет и не будет...

Вроде, намекает, но и не настаивает. В общем, уверен, что происшествие, о котором пойдёт речь, никак не было связано с её инициативой.

Думаю, мои родители придерживались того древнего правила, что гость в доме – от Бога. И хотя, в результате мистического предошущения близящихся перемен... или особого дефекта психики, я с подозрением относился к незнакомым людям, тем не менее, давно привык к возможности явления неожиданных гостей, которые иногда могли задержаться в доме не на один день. Впрочем, всегда оказывалось, что это люди вполне достойные – хоть и весьма разнящиеся привычками и чтимыми традициями.

Поэтому, вернувшись однажды с летней субботней прогулки к обеду, я не очень удивился, обнаружив в прихожей какие-то кошёлки, снятую чужую обувь и услышав незнакомые голоса в комнате, служившей, ввиду мизерности кухни, столовой. Из двери комнаты показалась мать.

– Мой руки, и к столу. У нас гости...

Я вздохнул, поскольку, направляясь домой, настраивался почитать только что купленную книжку, а теперь предстояло какое-то время общаться со скорее всего незнакомыми людьми, поскольку родичи давно дали бы о себе знать.

Так и оказалось. Во главе стола, как и полагается, был отец, а на диване расположилась какая-то загорелая, крепко сбита тётка, лет под пятьдесят, темноволосая, в цветастой кофте и серебряных серёжках, украшенных каким-то зеленоватым камушком. На стуле, напротив неё, сидела румяная девица, с высоким начёсом на выбеленных волосах. Надо сказать, что по отдельности у этой девицы всё было в порядке – ровный нос, большие серые глаза, пухлые губы, маленький подбородок, длинная шея, покатые плечи, ладная грудь, но всё вместе складывалось в какую – то карикатуру из провинциального боевого листка на тему «они мешают нам

жить», где неумелый художник, погрузившись в ночные фантазии и, не жалея гуаши из стандартного набора на шесть цветов, создал свою версию образа падшей женщины, рискуя получить по шее от парторга за неуместный натурализм. Девица старалась держать спину прямо и не шевелить головой, видимо опасаясь потревожить свой начёс, поэтому, когда я остановился в дверном проёме для представления, она только скосила глаза в мою сторону и, оставив вилку, спрятала руки под стол.

Мама, уже присевшая на диван рядом со старшей гостьей, встала.

– Вот, знакомься... Это моя... кума Клары Саниной, Татьяна Николаевна...

– Да тётя Таня просто, – застенялась Клава кума.

– А это, – продолжила мать, – её дочка, Валя.

Валя, ещё больше выпрямив спину, хоть это и казалось невозможным, застыла окончательно, и мне стало её немножко жалко, потому что... яркий образ... категорически не совпал с манерами, выдававшими крайнюю степень смущения. Говорят, что жалость – возможное начало любви, но это был, явно, не мой случай. Я сел на стул напротив отца так, что Татьяна Николаевна и мама оказались по правую от меня руку, а Валя по левую.

– Здравствуйте.

Я не знал, что дальше говорить и принялся наполнять тарелку.

– Ну, предлагаю ещё выпить, – заполнил паузу отец, – ты выпьешь рюмочку?

Я не возражал. Отец налил мне и старшей гостье водки, а мама помогла мне быть вежливым.

– Налей мне и Вале вина немножко. Не возражаешь, Валечка?

– Нет, – раздалось в ответ еле слышно.

Голос был довольно приятным, как и все остальные Валины *отдельные* составляющие. Я наполнил вином стаканчики из тонкого жёлтого стекла, отец сказал какой-то короткий тост, и все кроме Вали выпили, она же только пригубила. Повисла пауза, заполняемая лишь цоканьем вилок о тарелки. Гостья, похоже, уже слегка захмелела, и ей хотелось поговорить.

– Шура-то, сказала, – кума Татьяна посмотрела на мать, – ты работаешь?

– Работаю.

– Получаешь-то хорошо?

– Пока не очень, молодой специалист...

– Сколько же? – напирала гостья.

– Сто пятнадцать и премия квартальная, двадцать процентов.

– Немного, в городе-то. Ну да, пока в армии служил, да учился... наверхстаешь ещё, лишь бы не пил... А пока один, и это ничего...

Я промолчал.

– Ну, а мы вот к дяде Валюшину погостить приехали. Брат мой. Он тут, на заводе, где машины эти делают, чтобы землю рыть.

– Эскаваторы?

– Ну да... Так он там, на заводе этом, начальник большой, обещал Валюшу осенью в управление устроить, она-то, как школу закончила, в магазине у нас четвёртый год... да только что ж ей, в глуши нашей... правда, Валь? – даже сквозь слой дурацкой пудры было заметно, как лицо бедняжки налилось красным, и она отвернулась к окну, – пока у дядьки поживёт, а к весне он общежитие обещал, надо же с чего-то свою жизнь начинать?

До меня начало доходить, что всё это «ж-ж-ж» неспроста, и я в данный момент рассматриваюсь, как товар, на который возможно, наконец и найдётся купец, точнее, купчиха. Мне остро захотелось закрыться в светёлке на вершине замка, но тут я заметил, что отец, которому до сих пор было явно скучно, повеселел, явно наблюдая за моей реакцией, и даже по-быстрому наполнил рюмки. Я исполнил свою функцию по части вина, а матушка, обнаружив моё заме-

шательство, предложила что-то нейтральное, типа «-за здоровье!». Все выпили, даже на этот раз Валюша.

– А я как решила, – продолжила кума, укрепив силы, – я ведь всю жизнь за коровами ходила, да за титьки их дёргала. Ночь-полночь, иди на ферму... Так пусть хоть доченька моя за меня отдохнёт, городской станет, а я уж... А ещё, Миша, налей! Хоть выговорю...

Наверное, и вправду до чёртиков надоели гостье её коровы и их титьки, наверное, видела она свою дочку собственным продолжением в будущей счастливой жизни, похожей на кино с Раджем Капуром. Понятно, что «Моральный кодекс строителя коммунизма», как и «...в поте лица своего добывай хлеб свой», здесь были не в счёт. Ну а что, многие считают?... Отец, конечно, налил – что ему? Как слону дробина... Я тоже распорядился. Выпили дружно. Валя немного обмякла, но лицо её оставалось неподвижным.

– А я ж всё для деток своих сделаю... Сейчас не как раньше, на трудовнях. Дояркам-то плотют. Дом в том году новый поставили... а я – хоть мотоцикл куплю, хоть машину... огород сорок соток... ни в чём нуждаться не будет Валюшенька моя...

– Родители не вечные, – усмехнулся отец.

– Так, за мужем будет...

– Это да... Ну, давай-ка кума, ещё по рюмочке...

Гостья совсем захмелела, и нерв затеянного ею разговора потихоньку ослаб. Матушка перехватила инициативу, начав расспрашивать как дела в их Кержинке, да что было, да какие у кого планы... А я может и был не прочь пообщаться с Валею, чтобы помочь ей прийти в себя, да только не зная, как управиться в колее, так решительно проложенной кумой Татьяной, сослался на давнюю договорённость, которую решительно нельзя нарушить, и нагло свалил до ночи.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.